

А. И. Кириллова

ОЛЮТОРСКИЙ ОСТРОГ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Статья посвящена истории изучения Олюторского острога, анализу мнений историков о его местоположении, а также его размерах, роли в жизни коряков. Научный интерес к истории заселения полуострова русскоязычным населением, его влиянии на жизнь коренных народов остаётся актуальным и сегодня. Олюторский острог и его место в жизни коряков является интересным для изучения как историками, так и этнографами.

Ключевые слова: историография, Камчатка, Олюторский острог, коряки-алюторцы.

A. I. Kirillova

THE OLYUTORSKY SETTLEMENT IN THE WRITINGS OF HISTORIANS: THE MAIN ISSUES OF DISCUSSION AND THE PROSPECTS OF STUDYING

The article is devoted to the history of the study of the Olyutorsky settlement, the analysis of historian's opinions about its location, as well as its size and role in the life of the Koryaks. Scientific interest in the history of the settlement of the peninsula by the Russian-speaking population and its impact on the lives of indigenous peoples remains relevant today. The Olyutorsky settlement and its place in the life of the Koryaks is interesting for both historians and ethnographers to study.

Keywords: historiography, Kamchatka, Olyutorsky settlement, Koryaks-alutorians.

Олюторский острог – один из старейших (по упоминаниям) острогов Камчатки, фигурирует в трудах С. П. Крашенинникова. К началу XX в., в силу освоения западного побережья Камчатки и появления телеграфной линии, проходившей через Тигиль (в прошлом Тигильский острог), концентрации населения и экономической активности на рыбных промыслах, значение этого населённого пункта несколько снизилось, количество упоминаний сократилось. Однако с появлением в законодательстве (с 2020 г.) этнонима «алюторцы» (применительно к корякам восточного побережья Камчатки и корякам, ведущим полуседлый образ жизни, занимающимся мелкотабуным оленеводством, у которых оленеводство стало более поздним занятием и было освоено в связи с соседством с чавчуенами) интерес к данному топониму и топонимике северо-восточного побережья Камчатки возрос. Не последнюю роль в возрождении интереса к истории Олюторского острога как населённого пункта сыграли и археологические открытия в Якутии, демонстрирующие тесную связь Якутска и Камчатки сухопутными переездами, в том числе и с Олюторским острогом [3].

В данной статье наравне с терминами «оседлые коряки», «нымыланы» (в ряде работ отмечаются отдельно оседлые береговые

нымыланы и кочевые оленные нымыланы), используется относительно новый этноним «алюторцы», обозначающий коренное корякское оседлое и полукочевое население территории, которую мы изучаем. Кроме того, в ряде работ отдельно упоминаются именно «алюторцы», что делает наше обращение к данному этнониму логически обусловленным. Термином «коряки» обозначается все корякское население, включая кочевых (оленных) коряков, чавчуенов. Употребление общего этнонима «коряки» связано с тем, что во многих исследованиях XVIII–XIX вв. исследователи при описании не разделяли их на кочевых и оседлых, описывая конкретные факты и территории, не определяя образ жизни коряков.

Первым исследователем Камчатки, упоминающим Олюторский острог, является С. П. Крашенинников, который описывал сам факт его существования, но ни роли в жизни коренного населения, ни влияния на быт коряков он не описывал: «*верстах в 30 от Калалгуваем течет знатная река Уйулен (Олютора), вершины которой подошли к покачинским вершинам. На сей реке дважды строен был российскими людьми Олюторский острог: впервые якутским сыном боярским, Афанасьем Петровым, на южном её берегу, немного повыше устья впадающей в Олютору с полуденной стороны речки Кал-*

киной; а в другой раз гораздо ниже того места командой майора Павлуцкого, которая против немирных чукчей была употреблена, токмо оные вскоре оставлены и сожжены от олюторов. До последнего острога доходили с устья Олюторы в два дня лодками» [6]. Следовательно, острог строился русскими служилыми людьми исключительно для их нужд, но закрепления на территории не гарантировал, коренное, олюторское, население его не принимало, более того к острогу было настроено враждебно.

О том, что острог был нужен для обьяснения населения, говорят упоминания С. П. Крашенинниковым сбора ясака, а также Олюторской ясачной избы и приводимый им факт разрушения крупного корякского поселения, Большого Посада, который для закрепления русского казачьего и чиновничьего контингента не был использован, вместо него построили новый населённый пункт [там же].

Следует отметить, что описание взятия Большого Посада и строительство Олюторского острога вызывало интерес и у интеллигенции XIX в., читавшей С. П. Крашенинникова, ведь это доказывало, что корякское население и до прихода русских имело многочисленные поселения, вызывало интерес к образу жизни коренного населения полуострова [8].

В 1850-х гг., с выделением Камчатки в самостоятельную административно-территориальную единицу, активным освоением юга Дальнего Востока (Амура и Приамурья), в регионе трудилось большое количество чиновников, которые позже стали описывать свои путешествия по территории (в рамках службы), опыт общения с местными жителями. Одним из таких чиновников был А. С. Сгибнев, посвятивший истории Камчатки целый очерк. Он особое внимание уделял вопросу освоения территорий полуострова, русско-корякским и русско-юкагирским отношениям, описывал перегибы при сборе ясака и причины бунта олюторцев (коряков). По данным Сгибнева, Большой Посад (корякское поселение) и будущий Олюторский острог были в эпицентре событий, а для казаков построенный острог имел стратегическое значение: «бывший управитель Анадырского острога дворянин Афанасий Петров ещё до прихода Татаринова отправился на р. Олютору для покорения здесь сидячих коряк и построения на ней острога, который бы обеспечивал приходящих туда морем камчатских прикащиков с ясаками <...>. Для обеспечения этого сообщения от нападений туземцев и для сбора ясака

с сидячих коряк, анадырские казаки укрепили бывший Акланский острог и построили новый на р. Олюторе. Из острогов этих для сокращения перехода в Камчатку партии отправлялись водою на небольших судах; чаще из Акланска вниз по р. Пенжине и Пенжинскою губою до р. Тигиля или же из Олюторска к восточному побережью до р. Камчатки» [9]. Таким образом, по мнению исследователя, Олюторский острог был одним из важных этапов транспортировки камчатского ясака в Анадырск. Соответственно, груз с восточного побережья полуострова, направляемый на север, никак не мог миновать Олюторский острог.

Острог оказывался в эпицентре бунтов неоднократно. Так, в бунте 1769 г.: «В 1769 г. двух Олюторских острогов тоены Хозма и Хатуай с сродниками убили двух братьев купцов Плотниковых и бывших при них 2-х казаков, 4 работников и солдатского сына. По получении этих известий, из Нижнекамчатского острога был отправлен на олюторцев сержант Красиков с 15 человеками команды и, кроме того, из Тигильской крепости 31 человек с каптернамусом Березкиным <...>. Но команда эта, дойдя до укинского берега и не найдя изменников, воротилась в свои остроги. Виновники этого убийства были розысканы только на другой год» [там же].

Все приведённые факты подтверждают, что в 1700-х гг. Олюторский острог имел важное значение для российской администрации на Камчатке, служил важным перевалочным пунктом при транспортировке ясака. Однако точных данных о его размере мы не находим, лишь однажды А. С. Сгибнев называет служилый контингент в 52 человека. Сам факт, что острог в 1769 г. захватили 2 тойона с сородичами (а там ведь был определённый запас ручных гранат и огнестрельное оружие) демонстрирует нам, что контингент служилых людей в нем был невелик.

Научно-популярные издания второй половины XIX в. уже данных об Олюторском остроге как о значимом населённом пункте не фиксируют. Так, в своей книге В. К. Войт подробно описывает сидячих коряков и олюторцев, но ни крупных населённых пунктов, расположенных в зоне их проживания, ни собственно корякских поселений не называет [4]. В своём сочинении казачьих острогов на Камчатке он называет пять: Большерецкий, Верхнекамчатский, Нижнекамчатский, Тигильский и Петропавловский. Конечно, его данные неполные, но упоминание на севере полуострова лишь одного

крупного острога – Тигильского, демонстрирует, что роль и значение территории Олюторского района как транзитной зоны упали.

Исследователи рубежа XIX–XX вв. также значительное внимание уделяют так называемым русско-корякским войнам и сложностям установления российской власти на территории. Так, выдающийся учёный Н. В. Слюнин в своём комплексном труде выделил 3 этапа истории освоения Камчатки. Особую роль Олюторского острога он определял на начальном этапе, ясачном. На данном этапе исследователь последовательно описывает освоение западного и восточного побережий полуострова, отмечая, что путь ясака по Камчатке был трудным, поэтому для обеспечения безопасности груза «и построены были Окландский, Пенжинский (1708 г.) и Олюторский остроги. Из этих острогов партии отправлялись водою на небольших судах: чаще из Окландска вниз и по р. Пенжине и затем Пенжинскую губою до р. Тигиль; или же сначала перевалами через хребты к Олюторску (на восточной стороне Камчатки) и потом вдоль берега до устья р. Камчатки» [11, с. 28].

Вслед за сложившейся традицией, Н. В. Слюнин, опираясь во многом на работы Сгибнева и Крашенинникова, отмечает стратегическую важность Олюторского острога для транспортировки ясака и грузов для казаков. Далее он отмечал рост значимости Охотска и все большее предпочтение западного пути транспортировки ясака, т. е. по западному побережью Камчатки. Окончательный «закат восточного пути» происходит после 1771 г., когда «после многих, но временных побед над чукчами, Правительство решило покинуть Анадырский острог (1771 г.) и перенести центр управления в более спокойный уголок с непокорными коряками, именно в Гижигинск» [там же, с. 58]. Таким образом, сухопутное сообщение с Камчаткой осталось вдоль западного побережья полуострова, а надобность Олюторского острога практически исчезла. Этим легко объясняется, что уже ко второй половине XIX в. Олюторский острог не числился в списке крупных казачьих поселений полуострова.

Первые советские исследователи территории современного Олюторского района М. А. Сергеев и С. Н. Стебницкий в 1930-х гг. хотя и отмечали значительную численность корякского населения на территории, называют среди крупных населённых пунктов Корф и Тиличики [10; 12]. Густонаселённым описывается о. Карагинский. За XIX в. произошёл упадок

Олюторского острога и его исчезновение, но точной даты историк не называют. Описываемые ими коряки и алюторцы (у С. Н. Стебницкого) и нымыланы (у М. А. Сергеева) на этой территории ведут кочевой образ жизни (в основном) и заняты оленеводством. К 1930-м гг. ни исследователи, ни коренное население точное местоположение Олюторского острога уже не знали и не могли назвать.

В 1940–1950-х гг. советские исследователи также обращались к истории освоения Сибири и Дальнего Востока, к вопросу взаимоотношения русских и коренных народов. Так называемые русско-корякские войны иллюстрировали постулат В. И. Ленина о том, что «Российская Империя – тюрьма народов», поэтому в своих трудах о географических открытиях Л. С. Берг также описывает события взятия Большого Посада (называя его Олюторском) и строительства Олюторского острога [1]. Однако местоположение, значимость и история острога в работе не раскрыты.

Современный период изучения истории Олюторского острога ознаменовался значительным прорывом: во-первых, историком А. Х. Элртом привлечены новые исторические источники, в том числе и впервые переведённые на русский язык [14; 7]. Им же проведена систематизация фактов о событиях русско-корякских конфликтов, описана осада и взятие Большого Посада олюторцев, описаны его укрепления, а также приведены новые цифры потерь коряков в ходе конфликта. Не менее важным в работах Элрта является подтверждение, что основываемый после взятия Большого Посада Олюторский острог был крайне необходим казакам для удержания территории и сохранения своих жизней. Во-вторых, исследования А. С. Зуева позволили установить несколько важных для историков фактов: «в документах XVIII в. кроме р. Олюторы встречается ещё р. Олюторка (Алюторка)» [5], «необходимость обезопасить путь и подчинить "немирных" алюторов привела русские власти к мысли о постройке на р. Олюторе острога. Первое указание о его возведении последовало от якутских властей в 1708 г.» [там же], «в последующем аналогичные указания вплоть до 1714 г. получал каждый новый анадырский приказчик. Речь шла об укреплении, поскольку небольшие русские зимовья на р. Олюторе, видимо, уже существовали» [там же]. Также статьи А. С. Зуева помогают достаточно точно определить местоположение р. Олюторы и то, кто был основателем острога: «первое русское укрепление на

р. Олюторе удалось поставить бывшему камчатскому приказчику В. Савостьянову (Щепеткову). Он, по данным А. С. Сгибнева, выйдя в июле 1712 г. на судах из устья р. Камчатки, морем доплыл до р. Олюторы и, поднявшись по ней на какое-то расстояние вверх, "построил зимовье, огородив его валом"» [5]. Важным для историков уточнением стало то, что р. Олютора учёным была идентифицирована как р. Вывенка, что существенно изменило изначальные представления о месте расположения острога.

Таким образом, современным исследователям удалось решить важнейшую задачу: определить примерное местонахождение острога и создать его примерное описание, а также подтвердить выводы имперской и советской историографии о важности Олюторского острога для казачьего освоения территории и укрепления на северо-востоке Камчатки. Однако, как отмечает А. С. Зуев, задача удержания территорий была сложной: первый острог – (Ново)архангельский Олюторский острог – был разрушен в 1715 г., новый острог обустраивали в 1730 г. на новом месте (по данным С. П. Крашенинникова). Выходит, что Олюторский острог – это два населённых пункта, а не один, расположенные в разных местах, каждый из которых существовал сравнительно недолго.

Исследования этнографа В. В. Ушницкого [13] посвящены истории русско-корякских взаимоотношений в XVIII в., однако в контексте исследования он также упоминает строительство Олюторского острога как форпоста русского казачества и опорного пункта для сбора ясака. Как отмечает исследователь, их ясачное состояние было формальным, ясак собирался не систематически, его уплачивали в небольших размерах и далеко не все мужчины. Все это позволяет сделать вывод, что с ролью форпоста и основного укрепления ни один из Олюторских острогов ни в 1710-х, ни в 1730-х гг. не справлялся полностью, остроги относительно легко разрушались, существовали недолго.

История Олюторского острога вызывает интерес и у камчатских исследователей. Например,

С. И. Вахрин, описывая остроги севера Камчатки, отмечает, что «на севере Камчатки создаётся целая цепь преград – небольших крепостей, – которые должны были воспрепятствовать этим набегам. На северо-западном побережье – Воямпольская крепость. На севере – Акланский острог. На северо-востоке – Олюторский острог. В центральной части северной Камчатки – Тигильская крепость» [2]. Однако свою функцию они выполняли не всегда, и до конца 1750-х гг. ситуация на севере Камчатки была нестабильна, ведущую роль в усмирении коряков сыграла Тигильская крепость, а вот Олюторский острог был одним из укреплений, но не самым значительным.

Подводя итоги, можно отметить, что история Олюторского острога, а точнее двух Олюторских острогов, остаётся актуальной темой для исследований историков и археологов, точное местоположение обоих острогов продолжает устанавливаться. В силу недлительного существования каждого из них, археологическое исследование территорий затруднено.

Важность и роль Олюторских острогов в освоении севера Камчатки и окончательном «замирении» корякских земель остаётся дискуссионным вопросом. Не менее интересным для коренного населения является так называемый Большой Посад – укреплённое аляutorское поселение, бывшее центром сопротивления казакам в начале XVIII в., а также иные аляutorские поселения, которых, по данным современных историков и открытых источников, насчитывалось минимум девять.

Последние археологические открытия в Якутске, в том числе переписка с олюторской ясачной избой, берестяные грамоты, все же частично подтверждают имперскую и советскую концепции важного опорного пункта казачества, но пока ещё не в полной мере. Неизвестна точная дата закрытия (исчезновения) Олюторского острога, построенного в 1730-х гг. По этим причинам исследование истории строительства, функционирования и упадка Олюторских острогов может быть продолжено.

1. Берг Л. С. История великих русских географических открытий // Вологодская областная универсальная научная библиотека : [официальный сайт]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/pdf/92_116/files/assets/basic-html/page318.html (дата обращения: 02.03.2025).
2. Вахрин С. И. Тайны северных имен. Часть 3. Тигильская крепость // «Пути великих свершений» : ист.-геогр. проект : [сайт]. URL: <https://pvs-rgo.ru/2024/01/11/tajny-severnyh-imen-chast-3-tigil'skaya-krepost-tajny-severnyh-imen/> (дата обращения: 02.03.2025).
3. Визгалов Г. П., Фролов И. В., Горшков И. Д. Предварительные результаты изучения берестяных грамот из археологических раскопок Якутского острога в 2024 г. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2024. № 4. С. 16–33.

4. *Войт В. К.* Камчатка и ее обитатели : с видом г. Петропавловска, планом и описанием сражения 20 и 24 авг. СПб., 1855. 35 с.
5. *Зуев А. С.* Архангельский Олюторский острог // Государев острог : [сайт]. Публикуется по: Зуев А. С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. Новосибирск : Новосибир. гос. ун-т, 2002. Приложение: Русские остроги на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII века. Приказчики камчатских острогов в 1700–1730 годы. URL: <https://coloniam.ru/bigblock/ostrogi/arhangelsky/arhangelsky.html> (дата обращения: 02.03.2025).
6. *Крашенинников С. П.* О реках, впадающих в восточный океан от устья Авачи на север до реки Камчатки и от Камчатки до Караги и до Анадыря // LiveLib : живая библиотека : [сайт]. Публикуется по: Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. : Эксмо, 2019. URL: <https://www.livelib.ru/book/146905/readpart-opisanie-zemli-kamchatki-stepan-krashennnikov/~8> (дата обращения: 02.03.2025).
7. Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Восточная литература: средневековые исторические источники Востока и Запада : [сайт]. URL: <https://vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text9.phtml?id=10301> (дата обращения: 02.03.2025).
8. *Пушкин А. С.* Заметки при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова // Лит-Лайф : [сайт]. URL: <https://litlife.club/books/136348/read> (дата обращения: 02.03.2025).
9. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1650–1855 // Северная Пацифика : [сайт]. URL: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam1-1.htm> (дата обращения: 02.03.2025).
10. *Сергеев М. А.* Корякский национальный округ. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера, 1934. 142 с.
11. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: естественно-историческое описание : в 2 т. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1900. Т. 1. 690 с.
12. *Стебницкий С. Н.* Очерки этнографии коряков. СПб. : Наука, 2000. 232 с.
13. *Ушницкий В. В.* Русско-корякская война XVIII в. // Отчизны верные сыны : материалы XXXII Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2015. С. 296–299.
14. *Элерт А. Х.* «Огненным боем с ними, коряками, управливаться трудно». К истории русско-корякских отношений: разгром Большого посада в 1714 г. // Наука из первых рук : [сайт]. URL: <https://scfh.ru/papers/ognennym-boem-s-nimi-koryakami-upravlivatsya-trudno/> (дата обращения: 02.03.2025).